

ОДИН ДЕНЬ НАИЛЯ РАМИСОВИЧА

Рассказ

Наиль Рамисович готовился к селекторному совещанию. Всю жизнь он проработал в Ростехнадзоре и дослужился до начальника Организационно-аналитического управления. За долгие годы службы чиновник объездил с проверками всю Россию, и нынешняя должность была наградой за былые заслуги. Но коллеги, поздравляя с назначением, не скрывали сочувственных взглядов. Потому что выше, в руководство, пробивались, в основном, сотрудники промышленного, энергетического и атомного надзоров – эти направления считались более важными. Аналитическое управление иронически называли «библиотекой» и считали карьерным тупиком. К тому же новая должность обязывала иметь ученую степень – это прибавляло ей непопулярности. Связываться с наукой чиновники не любили. Ведь в последнее время поиск плагиата в диссертациях госслужащих стал делом жизни для некоторых блогеров.

Сам же Наиль Рамисович назначению обрадовался. Во-первых, тихая должность исключала его из круговорота интриг, от которых он к своим пятидесяти годам порядком устал. Во-вторых, диссертация стала для него глотком свежего воздуха.

Дело в том, что накануне назначения пожилой, но еще не старый Наиль Рамисович переживал духовный кризис. На руководящие должности в министерствах стало принято назначать молодых. Еще тогда он почувствовал, что уперся в свой служебный потолок. Хобби у него не было, и он затосковал. Жена, с которой им удалось сохранить близкие и доверительные отношения, даже стала ревновать.

– Ты сам не свой, ты что-то скрываешь, – волновалась она.

– Все в порядке, не выдумывай, – отмахивался он и продолжал хмуриться.

Подозрения его раздражали, он никогда не имел любовницы. Однажды в командировке одна сотрудница, из тех, что без комплексов, намекнула ему на возможность близости. Но одна мысль о том, что придется раздеться на глазах молодой женщины, заставила его покраснеть. Он сделал вид, что не понял сигнала. Слухи о том, что «Татарин», как его за глаза называли коллеги, «не по этой части», стремительно распространились. Предложений больше не поступало. Глядя, как его ровесники, добившись положения, преодолевают возрастной кризис, пускаясь в блуд, Наиль Рамисович брезгливо кривился. Сам он пробовал заняться рыбалкой, но не мог сконцентрироваться на поплавке. Спорт пришлось исключить по совету семейного кардиолога. И тут диссертация. Материала, как жизненного, так и научного хватало, оставалось – обобщить. И вот в этом-то поиске закономерностей и причинно-следственных связей чиновник нашел себя.

Свою работу он решил назвать так: «История реорганизаций службы государственного технического надзора как отражение экономических реформ в России». Тема была принята Научным советом. Наиль Рамисович довольный шел по коридору Института государственного управления и предвкушал, как в ближайший отпуск закроется от всех на даче и с упоением примется за работу. Вдруг его дернул за рукав какой-то навязчивый аспирант.

– Поздравляю вас с утверждением темы диссертации. Готов избавить вас от этой проблемы. Профессора в два раза дороже берут, но, бывает, халтурят. Со мной проблем на защите не будет. Я – племянник ректора.

– Иди куда шел, сынок, – агрессивный маркетинг аспиранта вызвал в чиновнике то же чувство, что и предложение близости от молодой сотрудницы – ощущение гадливости.

По кабинетам его ведомства поползли слухи о том, что он решил писать диссертацию сам. – Татарин опять чудит – шептались его подчиненные. Непонимание коллег, тотальное одиночество его удручало. Но в ближайший же уикенд Наиль Рамисович уединился в кабинете за старым дубовым столом, унаследованным от отца – казанского партийного функционера. Сделав первые наброски, чиновник почувствовал небывалый прилив сил и бодрость, которой не знал со студенческих лет.

Жена внесла поднос с чаем и теплым кыстыбаем – любимой с детства выпечкой. Запах лепешек отвлек чиновника от мыслей, и неожиданно для себя он подметил, что руки супруги с возрастом стали похожи на мамыны: те же

пигментные пятна и золотые кольца. И тот же запах вкусной татарской еды. Наиль Рамисович поддался порыву и поцеловал жену в запястье. Получилось неуклюже, и он смутился.

– Не замечала, что в России после каждой реформы проводится контрреформа и уничтожает не только результаты перемен, но и все лучшее, что было до них? – по-мальчишески взволновано спросил чиновник.

– Ой, никак мой Наилька из 80-х вернулся! – жена чмокнула чиновника в лысину, и удалилась, напевая голосом Жанны Агузаровой – «Люди носят шляпы и пальто, кошки часто ходят без одежды».

После тех выходных Наиль Рамисович с удовольствием шел на работу и участвовал в заседаниях. Скучные доклады, которыми обменивались чиновники, виделись ему кладезем полезной информации и идеально подходили к теме диссертации. Он постоянно делал пометки в блокнот, и со стороны казалось, что ему интересны сами выступающие. Эта иллюзия помогала преодолевать неприязнь кабинетных карьеристов.

Началось селекторное совещание. Его проводила сама заместитель руководителя Ростехнадзора. Если модератором выступал такой большой начальник, оно по умолчанию считалось экстренным. Причина – новые правила использования и содержания лифтов. Как только объявили тему заседания, в личный чат Наиля Рамисовича «застучались» старые знакомые из территориальных управлений.

– Татарин, возьми слово, ты же в теме, – писал начальник Приволжского управления, с которым они начинали службу рядовыми инспекторами.

– Замминистра тоже в теме. Я ей аналитическую записку готовил, – ответил чиновник старинному товарищу. Вернее сказать, отмахнулся от него.

Поскольку к Наиль Рамисовичу стекались отчеты из территориальных подразделений и результаты проверок всех предприятий России, по должности он должен был изучать этот поток, выявлять проблемы и предлагать решения. Лифтовую тему он знал и впрямь хорошо. В 2013 году подъемники исключили из категории опасных производственных объектов. Тогда же отменили Правила эксплуатации, по которым работали с 2003-го года. Так, лифты вывели из компетенции Ростехнадзора, а ответственность за их состояние возложили на управленцев высотными домами. Исключили инспекторов и из комиссии по приемке вновь установленных лифтов.

Как всегда, реформа проводилась с оглядкой на западный опыт.

– В Европе сами владельцы страхуют свои лифты, а технические проверки проводят частные компании. Пора и нам сбросить с государства лишние полномочия, – говорили тогда высокие чины с трибун. Такие разговоры всегда оборачивались большими сокращениями. Так и вышло – многие инспекторы вынужденно покинули службу.

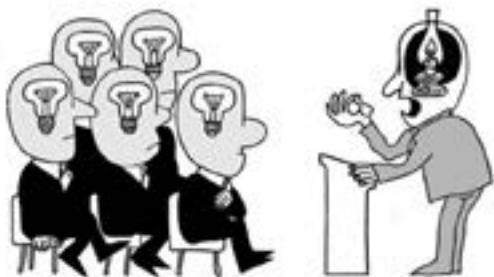
Начальники территориальных отделов в личных беседах возмущались – стало некому работать, но на совещаниях исправно аплодировали реформаторам. Хлопал им и Наиль Рамисович, понимая, что западный опыт не при чем. В тот год сокращения были продиктованы бюджетным кризисом, который стали осторожно признавать лишь в последующие годы. Судьба инспекторов была решена в Правительстве. А значит, увольнений было не избежать. Наиль Рамисович это знал уже тогда, поэтому не стал, как некоторые его коллеги, выступать с возражениями. И это была не трусость, а понимание исторического момента, который лег в основу его теперешней диссертации. В 2013-м был виток реформации, за которым через несколько лет должен был последовать период контрмер. Так и вышло. За четыре года произошло несколько громких аварий на лифтах. И уже в августе 17-го Правила эксплуатации лифтов ввели обратно с незначительными поправками. Вернули и некоторые полномочия Ростехнадзору, обязав инспекторов принимать у строителей новые лифты. Не вернули только самих инспекторов.

– Согласно Плану капитального ремонта многоквартирных домов, – бегло зачитывала замначальника Ростехнадзора свои тезисы, – планируется заменить 20 000 лифтов, а это – 20 000 проверок.

Выступающие на «селекторе», вторя друг другу, просили у Центра введения новых штатных единиц для инспекторов. Начальница рекомендовала изыскивать ресурсы на местах, а об увеличении штатов и слышать не хотела. Наиль Рамисович по ее раздраженному тону догадался, что аналитическую записку она получила, прочла, вопрос об уволенных инспекторах поднимала и получила отказ. И теперь мучительно ищет решение, ради которого и затеяла это совещание. И тогда взял слово Наиль Рамисович.

– Принимать установленный лифт полагается в срок не более 10 рабочих дней. Уложиться в сроки невозможно. Прав начальник Московского управления, у него на две тысячи грядущих проверок – 4 инспектора. Поэтому предлагаю разработать инструкцию для наших работников. Алгоритм действия следующий: в ходе проверок за самые незначительные недочеты (лампочка мерцает, кнопка вызова западает) выписывать монтажникам лиф-

тов предписания на устранение недоделок. Срок исполнения – максимальный, два месяца. Лифты будут стоять, значит, не будет аварий, и имидж Ростехнадзора не пострадает. За эти месяцы инспекторы успеют принять или не принять другие лифты. Таким образом, выиграем время и сохраним лицо.

Замминистра с воодушевлением приняла предложение начальника Аналитического управления и рекомендовала всем остальным принять негласную инструкцию как руководство к действию.

– Изменился ты, Татарин в своей Москве, – снова написал в личный чат старый приятель из Поволжского управления, – мы этот твой «алгоритм» и без тебя знаем. Зачем же про него начальству докладывать? Она на то и замначальника, чтобы новые штаты у министров выбивать. Это ее работа. А теперь что? Теперь тебе поощрение, а нам тут на местах от жалоб на простои лифтов отбиваться.

– Отбиваться от жалоб – это и есть работа на местах. Терпи, через несколько лет лифты опять из-под нашего надзора выведут. Вот увидишь.

– Через несколько лет я буду уже на пенсии.

Совещание закончилось. Наиль Рамисович с облегчением снял наушники, отключил микрофон и попросил секретаря принести чаю. Дискуссия о лифтах дала ему материал для еще одной главы в его научной работе. Глава эта прекрасно дополняла раздел «1990-2018: Эпоха реорганизаций и метаний». За правками к диссертации он просидел до конца рабочего дня.

Час с лишним Наиль Рамисович тащился по пробкам до дачи. В колонках звенел мощный голос молодой Жанны Агузаровой. Чиновник аккуратно рулил и размышлял. Проблема с лифтами прекрасно иллюстрировала историю его ведомства. В 1918 большевистские реформаторы отдали службу в подчинение инспекции по труду, руководство которой избиралось на профсоюзных собраниях. То есть сбросили полномочия на самих производителей. В 47-м, при Сталине, был организован Госгортехнадзор – новый орган подчинялся Совету министров СССР, то есть напрямую вождю. Государство то освобождалось от службы, то вновь забирало ее в свои руки. При Хрущёве опять начались эксперименты: Госгортехнадзор был упразднен, а его функции переданы в республиканские центры. Когда Хрущёва сняли,

последовала Брежневская централизация власти. При нем единую службу технадзора снова возродили. После перестройки Ростехнадзор пережил еще пять реорганизаций, слияний и дроблений, каждая из которых чуть не стоила Наилью Рамисовичу карьеры. Все эти реформы и контрреформы напоминали ему игру на дырявом баяне: то сожмут, то растянут, а вместо музыки – пшик.

Дорога и раздумья утомили пожилого чиновника. Зато на даче его ждал сюрприз: сын Рамис, студент исторического факультета, приехал на все выходные писать «курсач». Рамис не любил дачу, но ему, как и отцу, вдали от столицы работалось лучше. Сын хорошо успевал по гуманитарным предметам, и чиновник не стал его ломать. Раз решил учиться на историка. Хотя его собственный отец не был так демократичен:

– Наиль, – сказал он ему, поздравляя с окончанием школы, – гуманитарий в нашей стране всегда пропагандист советской власти. Учись на инженера, с голоду не умрешь, и врать не придется. Наиль Рамисовича ошарашили слова отца – коммуниста, работника республиканского комитета Партии. Но он послушался и поступил в политехнический институт.

Студенческие годы Наиль Рамисовича совпали с Перестройкой. Политическая дискуссия, жажда перемен, песни Виктора Цоя и Бориса Гребенщикова не обошли стороной и Казанский политех. Инженеры спорили так же горячо, как какие-нибудь социологи или политологи. Наиль Рамисович доказывал всем, что реформу Горбачёва ждет провал:

– Оттепель Хрущёва окончилась заморозками. Царя-освободителя Александра II убили, а его сын отменил половину папиных законов. Придет новый генсек и припомнит вам ваши перемены.

В конце 80-х была мода на свободу, и за такие слова в молодежных кругах можно было получить по морде. Но Наиль говорил что думал, на то она и свобода, надо было пользоваться, пока не отняли. А потом развалилась страна, кризис примирил технарей и гуманитариев – все они пошли торговать на рынок. Пошел бы и Наиль Рамисович, но благодаря связям отца его распределили в

Гостехнадзор, который из Всесоюзного, превратился в Федеральный.

После плотного ужина отец и сын сели у камина, вооружились коньячными бокалами и принялись дискутировать. Молодой Рамис был под впечатлением от фигуры Александра Македонского и писал работу о том, что стало с его империей после смерти царя-полководца.

– Диадохи, приближенные генералы, долго воевали между собой, а потом разделили завоевания Александра на царства: Сирию, Египет, Вифинию и Пергаму. А их наследники остались в истории как эпигоны. Былому величию пришел конец, империя досталась жалким подражателям, – говорил сын.

– История повторяется, мое поколение, последние советские люди – живые свидетели войн диадохов и правления эпигонов, – вольно обобщал эпохи отец.

– Для правления эпигонов характерна деспотия власти, развитый бюрократический аппарат, увеличение податей, порча монет.

– Порча монет? – такого термина Наиль Рамисович не слышал.

– Да, экономический спад заставлял царей при чеканке золотых монет добавлять в них все больше и больше меди. Инфляция, как говорят теперь.

С каждым глотком коньяка Наиль Рамисович замечал все больше параллелей между древним миром и современностью. Остатки империи Македонского все сильнее напоминали ему постсоветское пространство. А россий-

ская бюрократическая система, которая то избавлялась от лифтов, то забирала их назад, представлялась ему пародией на советскую систему управления. Вдруг Наиль Рамисовичу показалось, что бокал вместе с коньяком отделился от его руки и полетел. Он проснулся. Оказалось, коньяк унесла жена.

– Пора спать, отец, – сказал Рамис.

– Порча монет – это хорошо. Точный образ. Все повторяется снова и снова, и все новое – это старое, но только хуже.

Сын ушел к себе, а отец остался сидеть перед камином. Он смотрел на огонь и представлял, как погибает в нем его империя.

Денис Дробышев

иллюстрации из сети Интернет

Приглашаем к участию!

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА КЛИМАТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И ИНЖЕНЕРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ

КлиматАкваТЭкс

16–19 МАЯ 2018
Красноярск

ClimatAquaTEch

- Инженерные системы и коммуникации
- Водоснабжение
- Отопление, теплоснабжение
- Вентиляция и кондиционирование
- Газификация
- Контрольно-измерительные приборы и автоматика
- Холодильное оборудование
- Бассейны и СПА

В программе:

VIII Межрегиональная конференция «Город. ЖКХ. Экология»

В 2017 году выставку посетили 3 207 специалистов отрасли из России и Германии

РЕКЛАМА

г. Красноярск, МВДЦ «Сибирь», ул. Авиаторов, 19
тел.: (391) 22-88-405, 22-88-611
climat@krasfair.ru
www.krasfair.ru

Организатор:

